

УДК 811.512.1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧУВАШСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Желтов П.В.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
Чебоксары, e-mail: chnk@mail.ru

Чувашские диалекты – верховой с выделяющимися северо-западными говорами (малокарачкинский, большекарачкинский, сундырско-козьмодемьянский), средний (или средненизовой) и низовой, являются прямым продолжением не одного, а нескольких (как минимум двух) диалектов «древнечувашского языка» – группы среднебулгарских диалектов, на котором говорила социально обособленная группа булгар, называвшаяся чувашами и сформировавшаяся из чувашей – одной из булгарских народностей, составлявших булгарский народ (булгары, сувары, савиры, берсула, темтюзи, эсегели и чуваша). По результатам исследований, проведенных в ходе работы, выяснилось, что северо-западные говоры являются результатом смешения одного из северных говоров «древнечувашского языка» – «заказанского» с «казанским» диалектом «древнечувашского языка» (непосредственным предком верхового диалекта чувашского) и наложением его на местный мари́йский субстрат, говоривший на горномари́йском наречии.

Ключевые слова: чувашский язык, диалекты, говоры чувашского языка, субстрат, происхождение

THE ORIGIN OF CHUVASH DIALECTS

ZheltoV P.V.

I.N. Ulyanov's Chuvash State University, Cheboksary, e-mail: chnk@mail.ru

Chuvash dialects – upland with prominent north-western dialects (Small Karachkino, Big Karachkino, Sundyr-Kozmodemyansk), medium (or medium lowland) and lowland, are a direct continuation of not one, but several (at least two) dialects «ancient language» – a group of middle Bulgar dialects which was Spoken by a socially prominent group of Bulgars, called Chuvash and formed from Chuvashs – one of the Bulgar peoples who formed the Bulgar people (Bulgars, Suvars, Savirs, Bersula, Temtyuz, Esegel and Chuvash). According the results of the research, it became clear that the north-western dialects are the result of the mixing of one of the northern dialects of the «ancient Chuvash language» – «zakazanskogo» with the Kazan dialect «of ancient Chuvash language» (direct ancestor of upland Chuvash dialect) and the Small Karachkino local is the result of applying them to the local Mari substratum, who spoke highland Mari dialect. The geographical localization of ancient Chuvash dialects relates to the end of XIII and the beginning of XIV centuries.

Keywords: Chuvash language, dialects, sub-dialects (locals) of the Chuvash language, the substrate, the origin

Любой язык следует рассматривать в первую очередь как совокупность диалектов и говоров, а его происхождение считать малоизученным до тех пор, пока не проведены тщательные исследования его диалектов и говоров как в синхронии, так и в диахронии, и не восстановлены архетипы фонетики и морфологии его непосредственного предка.

Всё это в полной мере относится к чувашскому языку и его диалектам и говорам.

Несмотря на большое количество работ по чувашской диалектологии, большинство из них носит описательный характер, и их целью являлся не анализ фиксируемого материала в аспекте синхронии и диахронии (хотя ряд работ известного чувашского диалектолога профессора Л.П. Сергеева имеет такой характер, но не в полном объёме), а именно фиксация диалектного материала (и поэтому вышеуказанный недостаток носит не критический, а постановочный характер и должен и может быть восполнен), с которой исследователи (прежде всего Л.П. Сергеев и его ученики и последователи) блестяще справились (атласы по чувашской диалектологии до сих пор неизданные, но доступные в библиотеках научно-образовательных учреждений Чувашской Ре-

спублики, диалектологический словарь, публикации, монографии и многочисленные архивные материалы, такие как словарный фонд чувашского языка, насчитывающий более 2 млн карточек) [1-6].

По результатам исследований, проведенных в ходе работы, выяснилось, что северо-западные говоры являются результатом смешения одного из северных говоров «древнечувашского языка» – «заказанского» с «казанским» диалектом «древнечувашского языка» (непосредственным предком верхового диалекта чувашского) и наложением его на местный мари́йский субстрат, говоривший на горно-мари́йском наречии.

При этом субстрат оказал большее влияние на малокарачкинский говор – наличие интервокальных негеминированных незвонченных согласных, замена интервокального чувашского *-b-* губно-губным *-β-*, которое, несмотря на соответствие горно-мари́йскому губно-зубному *-v-*, имеет отличную от него артикуляцию и артикуляционно сближается с удмуртским и кыпчакским губно-губным *w*, отличаясь от него более плотным смыканием губ.

Видимо, в отношении губно-губного чувашского диалектного *β* будет справедли-

вым выдвинуть предположение о том, что оно возникло ещё на территории Заказанья в результате ассимиляции чувашами удмуртов и было поддержано носителями горно-марийского диалекта (языка) уже на территории Чувашии.

В северо-западных говорах чувашского языка сохранилось однако среднебулгарское увулярное -*ʒ*- (*ʒ*) ~ общетюрк. *ʒ*, отсутствующее в финно-угорских языках Поволжья. В верховом диалекте чувашского ему соответствует -*z*- и щелевое среднеязычное, которое увуляризуется в интервокальной позиции перед *ä*, *a* в среднем и низовом диалекте -*z*- и увулярное же -*ʒ*-.

К среднебулгарскому же наследию относится и непалатализованное -*ɟ*- (-*ɟʒ*-), которое слабо палатализуется и в контексте гласных переднего ряда и соответствует общеварховому -*ɟ*-(-*ɟʒ*'-), средненизовому -*ɟ̥*-(-*ɟ̥ʒ*'-) и низовому -*ɟ̥̃*-(-*ɟ̥̃ʒ*'-). Это -*ɟ*-(-*ɟʒ*-) вероятно также нашло поддержку в удмуртском какуминальном *ʒ* в некоторых болгаро-чувашских древних заимствованиях в удмуртский – вместо ожидаемого удмуртского *ʒ*, которым обычно передается татарское *ɟʒ*, в то время как чувашское полувзвонное -*ɟ̥*- (-*ɟ̥ʒ*'-) передается удмуртским *ɟ* (*ɟ*'), в них находим *ʒ*.

Это *ɟ* встречается и в анлауте некоторых сундырско-чувашских изоглоссов, что вообще нехарактерно для чувашского языка (а также для марийского). Это *ɟ* однако находит поддержку в некоторых средненизовых изоглоссах в анлаутном -*ɟ̥*- (-*ɟ̥ʒ*'-), которое зафиксировано в диалектных словарях чувашского языка.

В то же время в чувашских заимствованиях в удмуртском языке фиксируется анлаутное *ɓ*-, несвойственное современному чувашскому, где в анлауте возможно только *n*- (которое однако озвончивается в речи, в случае если предшествующее ему слово оканчивается на гласную и в речи есть связка).

Это же анлаутное *ɓ*- фиксируется и в словаре Дамаскина XVIII в. в отдельных чувашских изоглоссах.

Это анлаутное *ɟ*, как и инлаутное и интервокальное, которое в сундырских говорах чередуется с -*ɟ̥*- (неозвонченное, явно марийское влияние ~ общечув. -*ɟ̥*-, -*ɟ̥̃*'-), является наследием южных говоров болгарского языка и, вероятно, появилось в «заказанских» и «казанских» говорах в анлауте отдельных изоглоссов (наряду с *ɟ̥* срединных говоров болгарского языка), после уничтожения Волжской Булгарии Тамерланом, когда уцелевшие болгары бежали в заказанские области и южную Удмуртию, заселенную чувашами.

К «заказанским» фонетическим особенностям относится и вероятно малокарачкинское *ɛ̃*, соответствующее общечувашскому *u*, в первых слогах которое имеет параллели в говорах каринских и глазовских татар (золотоордынско-кыпчакское население Волжской Болгарии) и в касимовском диалекте.

Вероятнее всего, что касимовцы также представляют собой остатки золотоордынско-кыпчакского населения Волжской Булгарии (параллели между северо-западными говорами чувашского языка и говорами касимовских татар свидетельствуют в пользу этой гипотезы), однако в отличие от предков каринских и глазовских татар они, вероятно, жили не в северных пределах (районы вблизи Камы и Заказанья), а гораздо южнее, и поэтому бежали на запад.

О соседстве предков верховых чуваш с удмуртами говорит и делабиализация редуцированных гласных в верховом диалекте – в удмуртском языке таковые отсутствуют. Они также отсутствуют в горно-марийском языке, однако имеются в северо-западных говорах верхового диалекта чувашского языка, что ставит под сомнение определяющую роль марийского субстрата в их формировании, о чем писали ранее ряд исследователей.

Более того, в горно-марийских словах, заимствованных из чувашского повсеместно имеем *ɟ*, а не *ɟ*, как будто они заимствовались не из верхового диалекта, а из низового.

Поэтому утверждать, что неозвонченное интервокальное *ɟ* в северо-западных говорах есть результат усвоения горными марийцами -*ɟ̥*- скорее всего нельзя. Вероятно это *ɟ* есть наследие «древнечувашских» говоров «Заказанского» типа, оно лишь было поддержано марийским консонантизмом, который не имеет озвонченного *ɟ* (*ɟ̥*).

В то же время малокарачкинское *ä* является, вероятно, марийским субстратным.

Дело в том, что горно-марийское *e* гораздо уже, чем чувашское *э*, поэтому ему в марийско-сундырских параллелях соответствует и или *ɛ̃*.

Поэтому горно-марийский субстрат при освоении чувашского *э* передавал его горно-марийским *ä*.

Это *ä* присутствует в основном только в малокарачкинском говоре – в других ему соответствуют *э* и иногда *a*. Последнее есть влияние верхового диалекта, которому свойственны переходы *e* (*э*) > *a*.

А вот *э* северо-западных говоров на месте верхового и общечувашского *a* есть вероятно наследие «заказанского» диалекта древнечувашского.

Северо-западные говоры таким образом, тяготеют к отдельному диалекту древнечувашского языка – «заказанскому», и их сближение с верховым диалектом является поздним явлением, произошедшим уже на территории Чувашии.

Такие изоглоссы как северо-западн. чув. *канак* ‘раз’ ~ чув. *хот/хут* ~ тат. *кинэт, кинэттэн* ‘вдруг’ ~ караим. *кенетя*; северо-западн. чув. *кан* (при озвончении в речи – *ҫан*) ‘подобный’, ‘как’ ~ чув. *пак, пек, пик* ~ тат. *кебек, кеби* ~ тур. *gibi* подтверждают древнее происхождение этих говоров.

Средний (средненизовой диалект) сохранил редуцированные лабиализованные гласные и вместе с северо-восточными говорами (козловско-урмарскими), которые выделяются прогрессивным огублением, восходит, вероятно, к предказанским говорам «древнечувашского» языка, ареал распространения которых был в древности южнее Казани и в горной стороне нынешней Татарии, где он сохранился и до сегодняшнего дня.

При этом он стоял ближе всего к собственно нечувашским болгарским диалектам в области вокализма. А говоры с прогрессивным огублением были распространены, вероятно, от Заказанья и вниз по Волге, чему свидетельство – наличие прогрессивного огубления в чувашских заимствованиях в удмуртском языке, где они составляют дублеты и даже триплеты с таковыми же, но без прогрессивного огубления.

Причем по характеру эти дублеты говорят о том, что в «древнечувашском» уже тогда имелись говоры как с анлаутным *б-*, так и с анлаутным *п-*.

Происхождение чув. *п-* из *б-* объясняется, вероятно, марийским субстратом. Интересно однако отметить, что оглушение *б* имеется и в турецком языке (в анатолийских говорах), азербайджанских говорах Южного Азербайджана и в говорах сибирских татар, в районах, где это не объяснить иноязычным влиянием – если в анатолийских говорах это можно объяснить греческим субстратом, то в говорах азербайджанского языка и сибирско-татарском это не объяснить особенностями окружающих языков.

Низовой диалект чувашского языка имеет относительно позднее происхождение (XVII – начало XVIII вв.) и развился из среднего (средненизового диалекта).

С мишарским его объединяет цоканье. Следует однако заметить, что мишарский *ц* на территории Чувашии непалатализовано, в то время как низовое чувашское *ц* сильно палатализовано независимо от гармонии гласных.

Поэтому каз.-тат. *жс-* (*д’жс’-*, *жс’-*) в мишарском в контексте гласных переднего

ряда отражается не как мишарское *ц’*, а как *з’* или *г’*.

Низовое чув. *-җ’-* (*-д’жс’-* сильно палатализованное), которое встречается только в интервокальной позиции, где ему соответствует общечув. *-җ(-д’жс’-)*, является звонкой парой *ц’* и отражает основной закон чувашского консонантизма, а не миш. *дз*.

Мишарский диалект татарского языка также повлиял на делабиализацию редуцированных гласных в низовом диалекте.

Здесь следует заметить, что такое же влияние оказали, вероятно, чувашские переселенцы из Цивильского и Канашского районов, в говорах которых также отсутствует огубление, и которые вместе с чувашами из Урмарского и Янтиковского районов (средний диалект) заселяли южные районы Чувашии.

Мишарское цоканье повлияло на характер чув. *ц’* и *-җ’-* в низовом диалекте, однако не изменило систему их распределения, полностью соответствующую общечувашской, и не повлияло на их палатализованность. В свою очередь, озвонченное чув. *-с-[з]* оказало влияние на появление мишарского *з-*, которое в мишарских говорах, распространенных на территории Чувашии, соответствует каз.-тат. анлаутному *жс* и общемишарскому анлаутному *дз-*, *г-*.

В низовом диалекте *ц’* и *-җ’-* распространены не во всех говорах (во многих им соответствуют общечув. *ч’* и *-җ-*), а именно в тех, которые максимально соприкасались с мишарскими поселениями, и где до недавнего времени существовало двуязычие.

В речи пожилых людей в этих говорах сохраняется слабое озвончение чувашских озвонченных *-к̣-* [з] и *-т̣-* [д], они звучат как *-к̣’/-к-* и *-т̣’/-т-*.

Выводы

Чувашские диалекты – верховой с выделяющимися северо-западными говорами (малокарачкинский, большекарачкинский, сундырско-козьмодемьянский), средний (или средненизовой) и низовой, являются прямым продолжением не одного, а нескольких (как минимум двух) диалектов «древнечувашского языка» – группы среднебулгарских диалектов, на котором говорила социально обособленная группа болгар, называвшаяся чувашами и сформировавшаяся из чувашей – одной из болгарских народностей, составивших болгарский народ (булгары, сувары, савиры, берсула, темтюзи, эсегели и чувашаи).

По результатам исследований, проведенных в ходе работы, выяснилось, что северо-западные говоры являются результатом смешения одного из северных говоров «древнечувашского языка» – «заказанско-

го» с «казанским» диалектом «древнечувашского языка» (непосредственным предком верхового диалекта чувашского) и наложением его на местный марийский субстрат, говоривший на горномарийском наречии.

Исследование выполнено в рамках соглашения №14.В37.21.0712 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Список литературы

1. Желтов П.В. Вопросы реконструкции древнечувашской и среднебулгарской фонетики: критический обзор // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – URL: www.science-education.ru/106-7440.
2. Желтов П.В. Древнебулгарская субстратная лексика в тюркских языках // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 7. URL: www.science-education.ru/107-8103.
3. Желтов П.В. К этимологии тюркских указательных местоимений bu и bul 'этот', 'эта', 'это' // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – URL: www.science-education.ru/108-8473.
4. Желтов П.В. Сравнительные исследования чувашского и татарского таксиса // International Journal of Central Asian Studies, Volume 11. Seoul, ISSN 1226-4490, 2006
5. Zheltov P.V. A Comparative analysis of some Chuvash and Tatar case affixes // Turcica. Paris. –2007. – № 38. – P. 325–331.
6. Zheltov P.V., Fomin E., Luutonen J. Reverse Dictionary of Chuvash // Societe Finno-Ugrienne. Helsinki. 2009. – 344 p.

References

1. Zheltov P.V. Voprosy rekonstrukcii drevnechuvashskoj i srednebulgarskoj fonetiki: kriticheskiy obzor. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2012. no. 6. URL: www.science-education.ru/106-7440.
2. Zheltov P.V. Drevnebulgarskaja substratnaja leksika v tjurkskih jazykah. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2012. no. 7. URL: www.science-education.ru/107-8103.
3. Zheltov P.V. K jetimologii tjurkskih ukazatel'nyh mestoimenij bu i bul 'jetot', 'jeta', 'jeto'. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. no. 2. URL: www.science-education.ru/108-8473.
4. Zheltov P.V. Sravnitel'nye issledovanija chuvashskogo i tatarskogo taksisa. International Journal of Central Asian Studies, Volume 11. Seoul, ISSN 1226-4490, 2006.
5. Zheltov P.V. A Comparative analysis of some Chuvash and Tatar case affixes. Turcica. Paris, 2007. no. 38. pp. 325–331.
6. Zheltov P.V., Fomin E., Luutonen J. Reverse Dictionary of Chuvash. Societe Finno-Ugrienne. Helsinki. 2009. 344 p.

Рецензенты:

Корнилов Г.Е., д.ф.н., профессор, декан филологического факультета, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары;

Мышкина А.Ф., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой культурологии и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары.

Работа поступила в редакцию 03.06.2013.